

Бритва

Хоть и уродливы они в величине своей, да не должен патос внетелесного зычного наплыва моего очернять эти светлые материи и глухие доброжелательные вопли: последние песни посвящены будут разрастанию живота, очернённого всем страшием замкнутого внутри жизни моей же неприглядной; я лежу в своей обрамляющей зеленоватые оттенки просвечивающихся в воде светлых стенок ванне: лёгкие, чуть влажные волосы произвольно касаются натянутой меж плотью и потрескавшимся акрилом поверхности некоторой приятной жидкости, и неспешно отлипают спустя мгновение они, дабы принять положение комфортнее и в каком-то смысле выгоднее, однако абсолютно вестим факт скоротечности их радужного весёлого существа. Полностью оголённое разгорячённое тело моё слегка колыхается, и чешу я ослабшей ладонью небольшую часть живота возле неприглядной впадины, что хитро накопила в себе, кажется, ужасающее число лишнего и противного, но стоит мне украдкой обратиться к нему, и всё это ощущение тут же пропадает напрочь, и после даже в иступлённой надежде не удаётся вообразить себе безобразную грязь эту, отчего считают меня не то гадким язвителем, не то душу свою истерзавшим визионером: им необходимо перестать искать во мне условную тайну, ведь покрыто оной всё бытие наружное: для осязания томного, ожидающего дыхания им достаточно лишь пожелать или хотя бы помыслить о том: и все тайны перерождения моего бесконечного будут обличены, и увидит меня зрящий человек наконец, и перестану я возвращаться к лишённому смысла до самой вездесущей дурманящей маковины, посылающей меня в жалкого периметра безлюдную, крытую грехом пустошь, цвета рясы страданию тому постыдному.

Бритьё знаменуется состриганием относительно большого количества волос тонким острым лезвием. Отдалённые от быта моего и скромного пожелания летательные мысли начинают покидать нетрезвое от рубящей горячи кипящей влаги сознание: трухлявыми руками слегка поднимается безучастное розоватое тело, и плотно сомкнутые морщинистые веки постепенно разрезают протянувшиеся линии свернувшихся мелкими увесистыми комками густых грушевых слёз: яркий свет гудящей ванной бесцеремонно ослепляет меня, но настойчиво отказывающиеся вновь напрягаться мышцы продолжают вести торопливому инертному потоку нежелательных сейчас простых действий, и перемежающиеся в участках нечётких тонких контуров пространства окружающего вопящими своими непоследовательными всплесками цвета патины линии давят на неактивную слабость всё упорнее, и не остаётся теперь воли моей честной, да немощные тела мучают грозный низкий голос, что продолжающих ещё сомневаться в моём гигантизме рассеет в круги общности более

массивной окончательно: симметрично искривлённые зубы, случайно оставляя поодаль хрупкую трескающуюся кожу и отчаянное безвольное напряжение выбивающимися из своих оков крошечными песчаными буграми на серой твёрдости нашей, предстают пред мутным шумящим светом только пёстрою грузной нищетой; стёртый за тысячи лишённых возбуждения перерождений атлант издаёт хруст, и истощённая отяжелевшая голова повисает над волнами слабыми уже самостоятельно: опухшие глаза налиты даже молодым блеском, столь вычурно сияющим в этом капающем редкими криками помещении: обезличенное место это не столь отвратительно, события в нём лишены иной веры и оттого приятного чувства, но не неверие ему мешает, а то обилие толстых жёстких влас; то обилие щемящего уродства и несовершенства, лишившись которого восторжествует смерть моя, ибо улиткой жалкою я случайно призывал ливни страшные, что перечили зуду моему вожделенному и неспособности; свернув в причудливо медленно поглощающую материю воронку нетяжёлые лепестки водных капюшонов отреагировавшей на робкий импульс в предплечье рукой, мои неустойчивые тела тремя перстами ухватили дешёвую одноразовую синюю бритву: я остановился примерно на шее: я сейчас не использую гель или пену для бритья, а если формулировать в полной мере корректно, эта процессия не должна находить скромное примирение с прошлыми актами бритья, ведь теперь происходящее обнаруживает интенции совсем другие, можно было бы даже сказать, что совершается это впервые, ибо никогда ранее не происходило чего-либо и приблизительно схожего с нынешним: вполголоса содрогнувшейся кистью предплечье ведёт тёплое от влияния воды, переливающееся в пепле отражений комнаты этой стихийной лезвие, единящееся в конкретно этом обрамлении физическом одиноким столпом вне прочих потенций: я прикладываю неестественным поцелуем острую стальную пластину к язычной вене, да только специально отказывается она перерождать меня в очередной раз: я к тому и не стремлюсь: ощущая всё яростнее сгущающееся подле выи моей блаженное принятие, сознание с энтузиазмом великим интенсифицирует неуверенный порыв разжиженных мышц, и должен был я, думается, лишь робость свою возвести в величину новую, однако плывёт остриё по доверительно распластавшейся манящими выпуклыми сосудами плоти, и широкий кадык оно огибает с невероятной деликатностью и такой смелостью, что захотелось даже дёрнуть пальцами потерявшего давно осязание своё руководителя процесса, и то ли не сумелось решиться на то, то ли действительно столь могущественна непоколебимость этого танного предмета: с еле слышным нежным щелчком бритва отходит от аккуратно выбритой шеи, и я, не оставляя даже оставшимся на голове волосам пространства вне принявшей всю щетину мою воды, снова погружаюсь в тёплую жидкость.

Вара: плотный туман нависает с распахнутым, визжащим горестью ртом: очень печалится старый колодник. Стоит скромно вдохнуть еле ощутимый объём воздуха этого душащего, как вата заполнит меня ещё вяще: только сила или приспособленность твоя сдерживает их, так чаще нет никакого благополучного исхода в природности нашей: вата поглощает страшное количество принадлежащего тебе, и только тогда решается субъект распрямить честность лёгких своих, да к тому моменту уже права существовать он лишён: эти прохладные сети, несмотря на свою плотность слабосильную, надевают оковы на множество имеющих веру и нрав, но лучшая участь выглядит надувшимся до неожиданного окоченения тухлым телом, что притворяется уже долгие годы подобным стонущим существом для свободы ближних своих, тех, кого настигнуть эта оттенка прозрачного жёлтого стрекошущая смертью вата в форме субстрата стыдливого ни в коем случае не должна: они не справятся, а помочь я, только разглядывая их жирную, сочащуюся соками своей жадности приближающуюся с корпоративной вежливостью участь, уже ничем не смогу: разбойники забрались домой через нашу печь: печь для того и существует: чтобы переродить больного ребёнка.

Волосы нарастают на мне на протяжении всей жизни, но полностью они или не уйдут никогда, или явят собой в каких-то местах следствие болезни или старости: тем нынешнее моё интенсивное и полное бритьё принципиально отличается от иного: больше густые и не только волосы расти на мне не будут: в отвлечении я не заметил вонзившиеся в моё тело осколки проточной, насыщенной железом воды: я вырываюсь из плена этого падающего, вдыхая инстинктивно воду и тут же сталкиваясь с потоком выходящих из меня струй иногда перемешанной с моими точёными волосами приятной влаги, и в кашле истошном прорезается горло моё и нечто глубже: на то есть свои причины: теперь я сижу стройно и не совершаю лишних действий: почему-то бритва лежит на коврикe возле ванны: я встаю, с принятием дарения кафелю немалого объёма тучных плодов привыкшей ко мне воды со стеблями рыжеватых волосков отточенным в голове до совершенства влиянием дотягиваюсь в одном месте даже до колющего из-за несовершенной работы с литьём или обрезанием пластика: жилистые ноги покрываются частыми вкраплениями свидетельств недовольства своего владельца сменой температурного режима, и таз мой вновь с соответствующими звуками плюхается в манящую приветливость ванны: от действия этого спонтанного в глазах у меня не потемнело, но заострёнными пульсирующими образами распространилось новое бессилие, и решил я, дабы хотя бы в иной форме перестать влачить эти паразитические оболочки к неизбежному, быстрее справиться со своей задачей: я, оставляя проведённым по лезвию большим пальцем на вершине своего убежища палочки едва закруглённого вида, направляюсь

рукой к осунувшимся щекам, покрасневшей от жара верхней пухлой губе и густым длинным бровям, и очищается прежде полностью укрытое волосами лицо моё здесь охотнее, нежели на всё ещё встречающей вполне радушно шее. Осталось совсем немного: остальное тело не желало принимать чистоту лезвия, а низ поддавался хуже всего, и мог бы я, похоже, сказать, что при продвижении к вершине и краю плотскому становится легче, однако основная масса волос головы, очевидно, дастся мне не так легко: ощущая монструозный масштаб предстоящей работы, я решаюсь сдвинуть оголившую всё лицо моё бритву к страждущему от нагромождения существа темени.

Испорчен я был заведомо и беспрекословно, и усилие во времени для меня более невозможно, ибо бытие для себя уже не воплощает немертвенность; ибо суть моя расколота и попросту неправильна: отсутствует смысл поиска или разглядывания: превратилась моя непроглядная превратность в полное отсутствие, в ту свистящую форму, в которой перерождения мои уже не несут за собой ничего действительного, не зависит больше от меня смрадный ливень: когда умру я, эти кислые капли возрождающего даже не заметят отсутствия бывшего покровителя, и суждено мне только лишиться себя этого застоя тридцатилетнего возраста: я был обманут; вероятно, я обманулся сам, но это великого значения не имеет: в любом случае, супервентность была утрачена, и я более не являюсь системой или даже единицей, однако дополнить и воссоздать её сначала считаю своим первородным долгом, пусть и представителем не буду уже никогда: тупое в боли своей унижение, с коим столкнулся в пребывании среди властителей и надзирателей, уже никогда не достигнет былых пределов, да и поиск в себе источника точно не являет для меня чего-либо центрального или хотя бы осязаемого: мой дистальный лучелоктевой сустав лишён напряжения: существо надело на меня лапти, и дёснами воспалёнными я ополаскиваю свои блестящие сильные тела: ноги мои мощны, они смело наступают на отдающее звуками надлежащих пустот дно ванны среди податливой, слабо сковывающей движения воды, руки наполнены проворной кровью и настойчивой решимостью, отчего крупные побитые кулаки, отбросив вдаль одно только лишённое из невозможности более находиться вблизи моих воплощений могучих ручки заржавевшее вмиг лазурной рябостью лезвие, часто содрогаются в нетерпении представить тело новым видом, и излеченная ото всех кожных болезней голова моя демонстрирует пылающую воодушевлённой страстью улыбку: теперь опадающие части бывшего тела не касаются меня: кажется, они навсегда покинули эту ванную комнату и квартиру: я смело наступаю на сухой ковёр и иду к, оказывается, распахнутой входной двери; прохлада подъезда вдыхает новые силы, и тут же очаровательные отстранённые тела преодолевают лестничный пролёт: я оказываюсь на улице, и одобрительно согревающее меня своими вольными

надеждой лучами солнце позволяет совершить несколько излишних шагов: несколько шагов в тот яркий холмик, что уверяет меня не бояться, он говорит, что Николай даже, может быть, сможет мне помочь, да только не пытаюсь я сбежать отсюда: я пришёл к вам сам, и с ужасом иногда облизывающие мой стан удивлённые прохожие поражены, надеюсь, не случайной вычурностью, а тем великолепием, тем восторгом скромной воли, что я показал им, ибо никогда они уже не смогут возникнуть перед кем-то схожей отверженности. Так я сильно страшусь за внимательное непонимание, хотя и такого уровня отношения ко мне вряд ли кто-то достигнет: вряд ли они дойдут даже до преломления того порога необычного, однако на то мне искренне нет дела, ведь я и не задумываюсь об этом: вторая ступень отчаянного вездесущего мора замыкается, и плевками сопровождается мой уход, и смехом обличён поступок, зато невзрачным увалом я обозначусь более великим, и со временем безвласость станет им понятна, и за промедление это я не сержусь, ибо сам обнаруживал это чаще в мёртвых: упал последний волос мой, и жемчужная плесень покрыла его полностью, и рассыпался он в мутном дымке окружающего немого безветрия.